

Пролог

Я мало что помню о той ночи, когда должна была умереть. Забавно, как мозг блокирует те воспоминания, которые не хочет хранить: вам, наверное, это известно. Но стоит мне закрыть глаза, как я слышу звуки той майской ночи. Завывание необычайно холодного ветра, дребезжание оконного стекла в спальне и шорох набегающих на галечный берег волн вдалеке.

Да, еще тогда шел дождь. Это я помню совершенно отчетливо, поскольку слышала, как капли барабанят по стеклу: гипнотически, едва не погружая в транс. На мгновение этот шум скрыл звук его шагов снаружи. «Тук-тук-тук», — стучали его каблуки по каменным плитам, приближаясь медленно и размеренно.

Я знала, что он идет, и знала, что должна делать.

Лежа на железной кровати под пуховым одеялом, я приказала себе успокоиться. В комнату проникал слабый отблеск света от гирлянды голых лампочек, протянутой вдоль прибрежной тропинки. Обычно подобная призрачная темнота вселяла в меня покой, но сегодня я лишь острее ощущала собственное одиночество, словно бездумно и бесцельно парила в пространстве.

Я сжала руку в кулак, молясь о том, чтобы в окно заглянули первые робкие лучи нарождающегося нового дня. Но даже не глядя на часы, я знала, что до него еще четыре или пять часов, и понимала, что тогда будет слишком поздно. Шаги звучали уже возле самого дома, и легкий металлический скрежет ключа, проворачиваемого в замке, эхом разнесся по лестнице. Скрыть подобные звуки в большом и обветшалом здании нелегко, для этого оно было слишком старым и ветхим...

Как же я позволила себе впутаться во все это? Я отправилась в Лондон за лучшей жизнью, в надежде на дальнейшее самосовершенствование и встречи с интересными людьми. Чтобы влюбиться, в конце концов. И вот чем все завершилось: поучительной историей. Поучительной для других.

Я услышала, как скрипнула входная дверь. Из трещин в оконной раме потянуло сквозняком, и у меня заложило нос. Стало холодно, как в покойницкой; весьма уместное зловещее сравнение. Я даже лежала, как мумия, вытянув руки по швам, засунув дрожащие пальцы под бедра, тяжелые и неподвижные, словно балласт, приковавший меня к кровати.

Когда шаги зазвучали на верхней площадке лестницы, я вытаскивала руки из тепла и положила их поверх прохладного пододеяльника. Пальцы сжались в кулаки, ногти впились в ладони, но, по крайней мере, я была готова драться. Полагаю, это во мне заговорил законник.

Перед дверью спальни он приостановился в нерешительности, и это мгновение словно бы сжалось в холодную напряженную тишину. Да, прийти сюда — явно не самая удачная идея. Закрыв глаза, я усилием воли приказала себе не плакать. Ни одна слезинка не должна скатиться у меня по щеке.

Мягкий шорох дерева по ковру — это отворилась дверь. Инстинкт самосохранения во весь голос завопил, что надо вскочить с постели и бежать без оглядки, но я должна была остаться и посмотреть, сможет ли он осуществить то, что задумал. Сердце стучало так, что готово было выпрыгнуть из груди, а руки и ноги, наоборот, окаменели от страха и стали словно чужими. Я по-прежнему не открывала глаз, но чувствовала, как он навис надо мной, и мое тело съежилось в его зловещей тени. Я даже слышала его дыхание.

И тут его рука накрыла мой рот, так что мои пересохшие, крепко сжатые губы ощутили ее холодное прикосновение. Глаза мои распахнулись, и его лицо оказалась всего в нескольких дюймах от моего. Я отчаянно пыталась прочесть его выражение и понять, о чем он думает. Я заставила себя разжать губы, уже готовая закричать изо всех сил, но все-таки стала ждать, чтобы события шли своим чередом.

Глава первая

Три месяца назад

Я не пробывала в своей конторе и пяти минут, когда поняла, что в дверях моего кабинета кто-то стоит.

— А ну-ка, надевай пальто обратно. Мы идем обедать, — произнес голос, который я узнала, даже не поднимая головы.

Я продолжала писать, стараясь сосредоточиться на том, как по бумаге скрипит авторучка, казавшаяся ужасно старомодной в цифровую эпоху. Втайне я надеялась, что он развернется и уйдет.

— Давай-давай, пошевеливайся, — сказал он, требуя моего внимания.

Я посмотрела на старшего клерка и криво улыбнулась.

— Пол, я только что вернулась из здания суда. У меня полно работы, мне надо распечатать постановления... — сказала я, доставая бумаги из папки с делом. Отметив про себя, что в одном месте кожа переплета порвалась, я сделала себе мысленную пометку заклеить ее.

— Приглашаю тебя на обед в «Перо и парик», — заявил в ответ он, снимая с вешалки мое черное пальто и подавая его так, что мне осталось только просунуть руки в рукава.

Я заколебалась, но потом смирилась с неизбежным. Пол Джонс был стихийным бедствием, и не подчиниться ему представлялось решительно невозможным.

— По какому случаю? — осведомилась я, глядя на него с таким видом, словно приглашение на обед было чем-то экстраординарным. Хотя, честно говоря, таким оно и являлось, учитывая, что в последние полгода я обычно ограничивалась бутербродом за рабочим столом.

— У «Мишона» появился новый партнер. Я решил, что вам пора познакомиться.

— Я его знаю?

— Она только что переехала из Манчестера. Но вы поладите.

— Обхаживаешь клиентов-северян. — Я улыбнулась, шутиливо преувеличив местный акцент.

Я подхватила свою сумочку, и, выйдя из моего кабинета, мы спустились по длинной лестнице в самое нутро адвокатской конторы. Сейчас здесь царила мертвая тишина, словно в городе-призраке, хотя в такое время — в самом начале второго — в этом

не было ничего необычного. У клерков наступил обеденный перерыв, телефоны притихли, а барристеры¹ все еще пребывали в судах или как раз возвращались оттуда.

Когда мы вышли на улицу, резкий и холодный февральский ветер отхлестал меня по щекам, и у меня сразу же перехватило дыхание. Хотя не исключено, что виной всему был весь комплекс Миддл-Темпл, по-прежнему очаровывавший меня, несмотря на то что я проработала здесь пятнадцать лет. Сегодня он выглядел особенно мрачно и сурово. Зажатый между рекой и Флит-стрит, Миддл-Темпл, один из четырех судебных иннов² — корпораций и школ подготовки барристеров, — представлял собой запутанный лабиринт клуатров и памятников архитектуры. Кусочек Лондона, застывший во времени, один из немногих уголков столицы, который по ночам все еще освещался газовыми фонарями, и такой сырой и пасмурный день, как сегодня, подходил ему как нельзя лучше.

Я сунула руки в карманы, и мы зашагали к пабу.

— Хороший выдался денек?

На жаргоне Пола это означало: «Ты выиграла?»

Пол обязательно должен был знать, насколько успешно мы вели свои дела. Собственно, наш старший клерк мне очень нравился, от него всегда можно было ожидать поддержки — сродни отцовской, хотя я ни на миг не позволяла себе поверить в то, что его забота носила исключительно альтруистический характер. Получить работу любой барристер мог только по направлению или личной рекомендации, и Пол, в качестве старшего клерка жонглировавший всей системой, получал свой процент со всех гонораров, которые нам доставались.

— Сегодня после обеда у тебя назначено кое-что интересное, не так ли? — поинтересовался он.

---

¹ В Великобритании и странах Содружества существуют две категории адвокатов — барристеры и солиситоры. Солиситоры, адвокаты низшего ранга, ведут подготовку дел для барристеров, выступающих в судах высшей инстанции. Героиня этой книги является барристером и для ведения дел своих клиентов прибегает к помощи солиситоров. (*Здесь и далее примеч. ред.*)

² Все барристеры Великобритании входят в одну из четырех юридических корпораций, или судебных иннов: Линкольнс-Инн, Грейс-Инн, Миддл-Темпл либо Иннер-Темпл.

— Предварительная встреча с солиситором и клиентом. Денежный развод.

— Насколько денежный? Или ты еще сама не знаешь?

— Ну, не такой, как у Пола Маккартни, — улыбнулась я. — Но достаточно крупный.

Старший клерк пожал плечами.

— Стыд и позор. Нам бы не помешали несколько дел, о которых кричали бы все газеты. Тем не менее отличная работа, мисс Дей. Разводами такого масштаба обычно занимаются королевские адвокаты, но тут солиситор затребовал именно тебя.

— Это Дейв Гилберт. На Рождество я послала ему бутылку превосходного виски, и потому он добр ко мне весь год.

— Пожалуй, он знает, что ты лучший адвокат в Лондоне в плане «цена-качество». Я бы и сам постучался к тебе в дверь, если бы моя супружница сбежала с миллионером, сколотившим состояние на торговле металлоломом, — подмигнул он.

«Перо и парик», типичный паб Темпла, кормивший и поивший барристеров еще с викторианских времен, располагался всего в нескольких минутах ходьбы от нашей конторы. Я с благодарностью подставила лицо теплomu порыву воздуха, окунаясь в уютную атмосферу помещения, обшитого деревянными панелями.

Но уже в следующую минуту я недоуменно нахмурилась, узнав группу своих коллег, сгрудившихся в приподнятой нише в дальнем конце бара. Было непривычно видеть их сразу в таком количестве, да еще в одном месте, если они не собрались в конторе, чтобы выпить за счет клиента.

— Что происходит?

— С днем рождения! — Пол широкой улыбкой приветствовал Чарльза Напьера, главу нашей конторы, который повернулся и помахал нам рукой поверх голов двух невысоких и симпатичных практиканток.

— Значит, мы не встречаемся с солиситором? — поинтересовалась я, испытывая неловкость и даже смятение.

Хотя сама суть моей работы требовала выступлений в суде, я ненавидела оказываться в центре внимания. Кроме того, я рассчитывала утаить тот факт, что сегодня мне исполняется тридцать семь, причем не в последнюю очередь оттого, что на всех парах мчалась кそろкалетию.

— Только не сегодня, — во весь рот улыбнулся он, проводя меня по пабу.

— Черт возьми! Вот это сборище, — прошептала я, зная, как трудно обычно бывает собрать столько моих коллег в одном месте.

— Не бери в голову. Ходят слухи, что старина Чарли попал в окончательный список кандидатов в члены Высокого суда. Как мне представляется, по такому случаю он пребывает в радужном настроении, отчего пообещал угостить шампанским всех, кто придет на торжество.

— И тут явилась я, думая, что он действительно решил поднять бокал за меня.

— Что ты пьешь, именинница? — обратился ко мне с вопросом Пол.

— Содовую с лаймом! — крикнула я ему, когда он направился к бару, предоставив мне возможность присоединиться к Вивьен Мак-Кензи, одной из самых опытных и уважаемых барристеров в Бургесс-корте.

— С днем рождения, Фран, — сказала Вив, дружески обнимая меня.

— Полагаю, что я уже в том возрасте, когда можно притворяться, будто это самый обычный день, — отшутилась я, снимая пальто и перебрасывая его через спинку стула.

— Вздор, — проронила в ответ Вив. — Я старше тебя на два десятка лет, но до сих пор ношусь с идеей начать все сначала — вроде того, как мы даем себе обещания начать новую жизнь на Новый год, только без избитых клише и страха потерпеть неудачу уже к Крещению. Итак... Тебе известно, что за день у нас будет завтра? — продолжала она, явно намекая на свою причастность.

— День после моего дня рождения?

— Будет опубликован список королевских адвокатов. А это значит... — Она сделала многозначительную паузу.

— Исполнение чьей-то главной мечты. — Я улыбнулась.

— Это значит, что начнется подача заявок для желающих попасть в список королевских адвокатов на следующий год, — драматическим шепотом сообщила она.

Я знала, что будет дальше. Надеюсь избежать предстоящего разговора, я с деланной небрежностью принялась обозревать паб.

— Ты не думала о том, чтобы подать заявление? — не отставала Вив.

— Нет, — отрезала я с решимостью, в которой не хотела признаваться даже себе.

— А ты ведь уже не слишком молода. Надеюсь, это для тебя не новость?

Я окинула ее циничным взглядом.

— Именно эти слова любая женщина просто мечтает услышать в свой день рождения.

— Это был комплимент.

Вив внимательно рассматривала меня. Этот ее взгляд был мне знаком: ноздри слегка раздуваются, брови чуть приподняты, а серые глаза смотрят в упор, не мигая. У нее была лучшая внешность для нашего дела, и она использовала ее на полную катушку. Помню, когда она была моим наставником, я наблюдала за ее поведением в суде, а потом практиковалась дома перед зеркалом.

— Ты находишься в самом верху списка тех, кто пока что не удостоился шелковой мантии, — с чувством заговорила она вновь. — Солиситоры тебя обожают. Я не задумываясь могу назвать дюжину судей, которые дадут тебе прекрасные рекомендации. Тебе просто нужно начать верить в себя.

— Я сомневаюсь, что сейчас подходящее время для того, чтобы подать заявление.

— Держи свое вино и содовую, — подмигнул мне Пол, стараясь не уронить два бокала, бутылку «Пино Гриджо» и небольшую баночку «Швепса».

— Как ты узнал, что у меня сегодня день рождения? — улыбнулась я, забирая у него бокалы.

— Я взял себе за правило знать обо всем, что происходит в Бургесс-корте. — Он разлил вино по бокалам и поднял на меня глаза. — Итак, шелковая мантия. Ты созрела для нее, Фран?

— Пол, не начинай. Только не сейчас, — отмахнулась я, пытаясь свести допрос к шутке.

— А почему не сейчас? подача заявок начинается завтра, — сказал он, покосившись на Вивьен.

Чья-то широкая спина передо мной вздрогнула и повернулась.

— Полагаю, самое время присоединиться к вашей милой беседе, — прозвучал бархатный баритон.

— Привет, Том, — отозвалась я, поднимая глаза на своего коллегу и ровесника. Он был на несколько дюймов выше и оставался в прекрасной физической форме благодаря гребле и лодочным гонкам на Темзе. — А мне казалось, что Итон должен был научить тебя хорошим манерам, — подколола я его.

— Так и есть, но люблю подслушивать, таков уж мой грех. Особенно когда речь идет о столь интересных вещах, — ухмыльнулся он, доливая себе вина.

— Ну и? — сказал Пол. — Что думают по этому поводу самые выдающиеся представители младшего поколения в Бургесс-корте? Подавать или не подавать заявление на получение шелковой мантии...

— Что до меня, то я уже стою на низком старте. Как и ты, впрочем, Фран, верно?

— Это — не бег наперегонки, Том.

— Совсем наоборот, — без обиняков ответил он. — Помнишь наш первый день стажировки? Что ты тогда сказала? Невзирая на мои «так называемое высшее образование и поразительную самоуверенность», на пути к шелковой мантии ты обгонишь не только меня, но и весь наш выпуск.

— Должно быть, я ляпнула это, чтобы позлить тебя, — насмешливо отозвалась я.

— Нет, ты говорила совершенно серьезно.

Должна признаться, глядя на него, я удивлялась тому, что Том Брискоу до сих пор не стал королевским адвокатом.

Его репутация как барристера статусных жен в несчастливых браках росла не по дням, а по часам, и, пожалуй, не сыскать было такой жены, которая не хотела бы, чтобы он представлял ее интересы. Симпатичный и умный холостяк Том Брискоу. Он оказывал женщинам не просто юридическую помощь, он давал им надежду.

— Полагаю, Чарльз готов произнести небольшую речь, — сказал Том, кивая на нашего шефа, который постукивал ложечкой по своему винному бокалу. — Пожалуй, я займу место поближе.

Пол отошел в сторону, чтобы ответить на звонок по телефону, и я осталась наедине с Вив.